

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института философии РАН
академик А.В. Смирнов

« 2 » апреля 20 19 г.

ОТЗЫВ

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии Российской академии наук на диссертацию
Кораблина Дениса Александровича на тему «Интерпретация основ
буддийской философии в трудах А.М. Пятигорского», представленную
на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.03 – история философии**

Актуальность темы диссертационного исследования. Александр Моисеевич Пятигорский (1929-2009) – яркая и заметная фигура российской философской жизни на рубеже веков. Его возвращение в Россию после эмиграции из СССР в 1974 году и многолетнего профессорства в лондонской Школе Востоковедения и Африканистики (англ. SOAS), или Лондонском университете, произвело настоящую сенсацию. Его лекции и выступления привлекали новизной и оригинальностью идей и теми вызовами, которые они бросали привычным формам философского мышления. За короткий период были опубликованы десятки его книг, сотни статей и интервью, вышел ряд телевизионных передач и документальных фильмов с его участием. Однако осмысление его философского наследия потребовало времени – «большое видится на расстоянии», в данном случае – с определенной временной дистанции. Публикации о нем носили в основном частный характер, касались отдельных проблем или аспектов его творчества.

Диссертация Дениса Александровича Кораблина «Интерпретация основ буддийской философии в трудах А.М. Пятигорского» является первым в отечественной историко-философской науке систематическим исследованием основных идей А.М. Пятигорского относительно буддийской

философии, ставших отправной точкой его собственной философской концепции. Диссертант представляет становление и развитие этих идей и вводит их в контекст современного философского дискурса – как российского, так и зарубежного, демонстрируя их актуальность и значение для дискуссий о самых острых проблемах современной философии – проблем изучения и интерпретации сознания, человека, личности.

Структура и содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав из шести параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 211 страниц текста, из них 24 страницы содержат список используемой литературы, включающей 178 наименований. По этим формальным требованиям она полностью соответствует требованиям к кандидатским диссертациям. Введение отражает актуальность, диссертационного исследования, степень разработанности проблемы, цель, задачи, область исследования, научную новизну, теоретическую и практическую значимость полученных результатов, сведения об апробации работы. В первой главе раскрываются разные аспекты рецепции буддийской философии в наследии А.М. Пятигорского. Первый параграф посвящен научной деятельности и этапам формирования философии А.М. Пятигорского, второй – исследованию определения буддийской философии и роли текста как ведущего методологического принципа в трудах А.М. Пятигорского. Предметом третьего параграфа является дхарма как текст и «единица буддийской философии». В центре второй главы «неантропоцентрическая философия» А.М. Пятигорского как способ прочтения буддийского учения о человеке. В ее первом параграфе рассматриваются антропология и антропизм в научно-философской и религиозно-философской картинах мира, во втором анализируются феноменологические аспекты «неантропоцентрической философии» А.М. Пятигорского и буддийской концепции анатмана, в третьем – концепции «обсервационная философия» и «очуженное

мышление» в буддийской философии сознания в понимании А.М. Пятигорского.

В Заключение формулируются основные выводы диссертационной работы, в частности, вывод о сходстве идей «буддистической философии» Пятигорского, как он сам ее называл, и феноменологии.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций.

Логика диссертационной работы полностью соответствует поставленной цели и сформулированным для ее достижения задачам.

Основные положения диссертационной работы, выводы и рекомендации полностью соответствуют поставленным задачам исследования и базируются на результатах критического анализа работ А.М. Пятигорского, а также трудов классических и современных западных и отечественных авторов.

Основные результаты исследования и их научная новизна. Результаты диссертационного исследования, которые можно считать достижениями, следующие.

Во-первых, диссертация Д.А. Кораблина является первой в отечественной и зарубежной историко-философской литературе попыткой систематического исследования философского наследия А.М. Пятигорского.

Во-вторых, диссертант основывает свой анализ не только на опубликованных работах, интервью, фильмах и т.п., но и на личном архиве А.М. Пятигорского, который ему любезно предоставила соратник и вдова философа Людмила Пятигорская. Фактически, диссертация Кораблина – это первое введение в научный оборот обширного философского наследия А.М. Пятигорского.

В-третьих, диссертант впервые предпринимает попытку реконструировать некую «внутреннюю логику» интеллектуальной

биографии Пятигорского, выделяя в качестве отдельных ее этапов три периода:

Период с 1957 по 1970 гг., когда А.М., будучи одним из вдохновителей и участников Московско-тартуской семиотической школы, использует в исследовании буддизма структурно-семиотическую методологию, выделяя в качестве единицы буддийской философии – текст. Для этого периода характерно понимание дхармы как центрального положения буддизма и как текста. В этот период Пятигорский сосредоточен на буддийской психологии.

Период с 1970 по 2000 гг., когда происходит фокусирование Пятигорского на проблемах сознания и мышления, чему способствовало знакомство и сотрудничество с М.К. Мамардашвили. Итогом этого периода является создание «метатеории сознания» на основе буддийской школы виджнянавада в знаменитом труде этих двух авторов «Три беседы о теории сознания».

Период с 2000 по 2009 гг., который характеризуется формированием теоретических предпосылок «неантропоцентрической философии», основанной на буддийской концепции анатмана («не-Я»). По мнению Пятигорского, речь идет не об отсутствии Я, а о наличии не-Я, то есть из сознания убирается антропологическая перспектива и оно само, в каждом моменте своего возникновения становится субъектом. Из этого развиваются другие важные концепции философа – концепция «обсервационной философии» (мышление с позиции внешнего наблюдателя) и «очуженного мышления», рассмотрения собственного сознания или мышления как «чужого», – концепции, ставшей результатом осмысления и концептуализации профессором Пятигорским его многолетней педагогической практики.

В-четвертых, раскрытие этой внутренней логики позволило автору объяснить важную для самоидентификации Пятигорского репрезентацию себя как «буддистического философа»: концепции его философии являются буддистическими в той степени, в которой они вдохновлены буддийскими

идеями, но преломленными через свободное «очужненное» мышление философа.

В-пятых, в диссертации рассматривается значение методологии Пятигорского для сравнительной философии, а также впервые осуществляется межкультурный подход, т.е. рассмотрение идей Пятигорского и в перспективе буддийской философии и в перспективе западной философской традиции, прежде всего феноменологии и экзистенциализма. Ценно не только исследование их сходства (с.147), но также и указание на их отличие, например, на то, что неантропоцентрическая философия отличается от феноменологии тем, что в ней «Я» и «человек» считаются помехой для философствования (с.142).

В-шестых, отдельного упоминания заслуживает помещение буддийских идей в рамки западных концепций, например, интересная трактовка буддийской концепции анатмана, или «не-Я», в свете концепции метанарратива Уайта и Брунера (3 параграф 1-ой главы), или концепции «антропологической границы» С.С. Хоружего в трактовке критики Пятигорским антропоцентрического принципа (2-ой параграф 2-ой главы). Рассмотрения традиции буддийского аскетизма в оптике «расчеловечивания» (сс.129-132).

К этим отмеченным выше достижениям диссертанта можно добавить и его собственный список результатов диссертационного исследования, и положений, вынесенных на защиту, который полностью соответствует осуществленной работе (сс.20-22).

Теоретическая значимость исследования. Особую сложность, с которой сталкиваются все исследователи творчества Пятигорского, составляет то обстоятельство, что его философская система тождественна его личности, а личность тождественна мышлению о своем мышлении, которое происходит «здесь и сейчас». Главная ценность для Пятигорского – это свежесть и новизна мышления, его нетождественность самому себе. Эта динамическая структура, постоянно продуцирующая новые философские

смыслы, противится любой попытке ухватить ее в статических категориях, будь то категории интеллектуальной биографии, системы идей, логики или диалектики их развития.

Автор всецело сознает эту трудность и справляется с ней, что делает ему честь. Об этом свидетельствует его замечание о «двухаспектном соотношении философии А.М.Пятигорского и философствующего А.М. Пятигорского» (с.29). Он разделяет, с одной стороны, изучение и понимание Пятигорским буддийской философии, с другой – реализацию этого понимания в его собственном опыте Пятигорского как философа и буддиста. Таким образом, в исследование привносится экзистенциальное измерение, что придает ей еще большую ценность.

В целом, в диссертации Д.А.Кораблина раскрывается и исследуется эвристический потенциал философии А.М.Пятигорского, в которой поднимаются очень сложные философские проблемы, не имеющие однозначного решения, но вместе с тем мощно стимулирующие мысль и бросающие вызов современным западным философам. Прежде всего, это критика антропного принципа и антропоцентризма с позиции философии буддизма, а точнее, в свете сотериологического буддийского проекта, с точки зрения которого просветленное или пробужденное сознание преодолевает человеческое состояние как таковое.

К теоретическим результатам можно отнести и межкультурный подход диссертанта в анализе философских понятий А.М.Пятигорского, прежде всего «неантропоцентрической философии» и «обсервационной философии», которую автор сравнивает с метанарративом, феноменологией экзистенциализмом и отдельными концепциями современных философов, например концепцией С.С.Хоружего (2-ой параграф 2-ой главы).

Наконец, следует отметить помещение концепции А.М. Пятигорского в современный философский контекст как имеющей «характерные черты постнеклассической рациональности с ее междисциплинарностью и стремлением к синтезу методов» (с.179).

Практическая значимость исследования. Диссертация Д.А.Кораблина может быть использована как в спецкурсах по истории отечественной философии, так и для разного рода психологических тренингов «личностного роста» по преодолению эгоцентризма.

Замечания по диссертации. Наибольшее количество замечаний связано с буддологической частью диссертации. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что автор не буддолог, но именно поэтому, как нам представляется, он должен был более внимательно и ответственно отнестись к своим суждениям и высказываниям на буддологические темы. Автором настоящего отзыва не включено в список замечаний то, что вызвало ее вопросы как непосредственного исследователя, работавшего с текстами Пятигорского. Мы допускаем, что относительно одного и того же материала могут быть разные точки зрения.

1. Диссертация начинается словами: «Своеобразие отечественной буддологической философской традиции, обусловленное особенностью ее становления в рамках буддийской конфессии, создало фундамент для формирования в конце XIX – первой половине XX вв. при Петербургской академии наук, одной из ведущих академических школ буддологии в Европе» (с.3). Из этого вытекает, что первые российские академические буддологи были буддистами, что совершенно не соответствует действительности. Автору следовало бы более внимательно изучить историю российской академической буддологии прежде, чем делать такие обобщения.

2. Здесь же на 1-ой странице еще одна туманная фраза: «Становление буддологических исследований в Российской империи и СССР конца XIX – первой четверти XX вв., их исчезновение и возрождение в СССР и России второй половины XX – начала XXI вв. создали уникальную историческую ситуацию. В ней буддийская философская традиция, оставаясь для большинства ученых неопределимой в категориях западной философии, имеет все шансы остаться в арьергарде научных изысканий российской востоковедческой и буддологической философских школ» (с.3). Эта фраза

ставит множество вопросов: для каких «ученых» буддийская традиция остается неопределимой в категориях западной философии и как она может оставаться таковой, если именно русский буддолог Федор Ипполитович Щербатской был родоначальником сравнительной философии и использовал западную терминологию при переводе буддийских терминов? Если речь идет о российских философах востоковедов, которые в силу своего западноцентризма осознанно пренебрегают инокультурными философскими традициями и просто незнакомы с трудами Щербатского, Розенберга и других отечественных исследователей буддийской философии, то почему «буддийская философия имеет все шансы «остаться в арьергарде научных изысканий российской востоковедческой и буддологической философских школ»? Если автор под «учеными» имеет в виду востоковедов, то откуда у него сведения о таком печальном положении дел? Возникает вопрос: достаточно ли хорошо автор знаком с современной российской буддологией, чтобы утверждать подобное? В российском востоковедении последних лет изучение буддийской философии вряд и можно считать находящимся в арьергарде. Автору следовало бы познакомиться с новаторской энциклопедией «Философия Буддизма» (Институт философии, 2011), в которой собраны авторские статьи современных российских буддологов по ключевым буддийским терминам, понятиям, направлениям, школам и авторам. В центре этой энциклопедии именно философское содержание буддизма. Публикуется и немало монографий, не говоря уже о статьях, однако только малая их часть нашла отражение в библиографии диссертанта.

3. Вызывает сомнение «смелая» трактовка диссертантом некоторых буддийских понятий. Например, трактовка скандх на с. 111: «Буддийская философия рассматривает личность как феномен состоящий из пяти скандх (санскр. «панчскандха»): физическое тело или форма, чувства, восприятие, бессознательные впечатления, получаемые от первых трех скандх, и собственно сознание». Если это собственная авторская трактовка, то ее надо обосновать. Но в целом, она неточна. Первая скандха рупа – это не только

тело, но и чувственные способности (индрия), сандха ведана – это ощущения (приятное, неприятное, нейтральное), скандха санскара – формирующие факторы, в число которых входит и намерение и ментальные операции сосредоточения на объекте и его исследование, которые никак не сводятся к «бессознательным впечатлениям». Шестая скандха включает чувственные распознавания в отношении внешних объектов и ментальное распознавание в отношении внутренних состояний.

4. В дополнительных разъяснениях нуждается, на наш взгляд, следующий текст: «Как итог сравнения «неантропоцентрической философии» с буддийским учением о «не-Я» можно представить такой подход к рассмотрению собственного мышления, при котором индивидуальное мышление и мышление, рассматриваемое как самостоятельный феномен (мышление, не приписываемое индивиду феноменологически), не будут рассматриваться в качестве бинарных оппозиций. При таком подходе философское мышление сможет вынести и рассматривать себя непосредственно в качестве равноправных, самостоятельных и дискретных объектов. И то, что философу не удалось сформулировать в качестве полноценной философской идеи, по нашему мнению, удалось воплотить в описании мышления в виде концепций «обсервационной философии» и «очуженного мышления» (подчеркнуто – автором отзыва В.Л.), которые будут рассмотрены далее (с.149). Разве названные концепции не являются «полноценными философскими идеями», и в этом случае можно ли утверждать, что философу это не удалось?

5. Необходимо обратить внимание на написание буддийских терминов на русском и на английском языках. По всей диссертации встречаются досадные ошибки, типа дукха (с.73 и т.д.). Такого слова просто не существует, есть санскритский термин духкха, или палийский дуккха. Ошибкой является написание Budda вместо Buddha.

6. Две фактические ошибки в одном абзаце: «Ю.Н. Рерих внес существенный вклад в возобновление выпуска серии «Bibliotheca Buddhica»,

также им был подготовлен перевод Дхаммапады – одного из ключевых разделов Трипиттаки – Кхуддака-никаи, выходили и иные переводы текстов палийского канона и буддизма Махаяны» (с.8). Во-первых, «Дхаммапада» – это название текста, а не раздела. Во-вторых, перевод «Дхаммапады» осуществил не Ю.Н.Рерих, а В.Н.Топоров.

Полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем. Все публикации автора содержат материалы диссертации. Основные научные результаты диссертационного исследования Кораблина Д.А. опубликованы в шести статьях в журналах, пять из которых предусмотрены перечнем ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации, что является достаточным с точки зрения требований к публикации результатов кандидатских диссертаций.

Соответствие автореферата положениям диссертации. Автореферат соответствует положениям диссертации.

Соответствие диссертации «Положению о присуждении ученых степеней». Таким образом, диссертация Д.А. Кораблина является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи интерпретации основ буддийской философии в трудах А.М. Пятигорского, имеющей значение для развития отечественной истории философии современного периода, что соответствует требованиям (пп. 9,10,11,13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Отзыв подготовлен доктором философских наук (диссертация защищена по научной специальности 09.00.03. – история философии), главным научным сотрудником, руководителем сектора восточных философий Института философии РАН Лысенко Викторией Георгиевной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Сектора восточных философий Института философии РАН 16 апреля 2019 года протокол № 2.

Руководитель сектора восточных философий
Института философии РАН,
доктор философских наук, главный научный сотрудник

Лысенко В.Г.

Телефон: 8 (495) 697-91-09.

Адрес электронной почты: iph@iph.ras.ru

Адрес сайта: <https://iph.ras.ru/>

Подпись Лысенко В.Г.
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института философии РАН